

Так что такое хрупкость горного цветка?..

Это всё равно, что мерить мощь океана хрупкостью его пены.

□ Господин Нин!

□ Немедленно позовите лекаря, господин Нин упал!

Совсем неожиданно на него вдруг нахлынула дикая слабость, голова закружилась.

Все звуки доносились словно сквозь вату.

Всего секунду назад он спускался по лестнице учебного корпуса. Нога соскользнула со ступеньки, и он полетел кувырком, чтобы вдруг приземлиться прямо сюда. Рухнуть, как подкошенный, ощущая себя скорее мёртвым, чем живым.

С хрипом он втянул в себя воздух, заморгал, пытаясь прийти в себя.

Проморгавшись, он осознал, что оглушительно били барабаны и звонил колокол. Он лежал на каменных плитах у возвышающихся красных стен ворот Умэнь¹. И вокруг толпились люди в парадной придворной одежде... словно он вдруг оказался на съёмках исторической драмы.

Он лежал чуть в стороне, рядом в порядке очереди одетые в красное люди торопливо проходили через боковой восточный вход.

На нём было такое же красное одеяние, как и на других. Широкий рукав чуть задрался, обнажив тонкое белое запястье.

Нин Жушэнь недоверчиво поднял руку, осматривая её со всех сторон.

Он умер? Упал с лестницы и разбился?

Словно услышав его мысли, вдруг рядом оказался человек в белом одеянии.

□ Господин Нин!

□ Мой час настал? Ты пришёл забрать мою душу²?

И подошедший было лекарь остановился, с удивлением взирая на него.

Кто-то рядом спросил:

□ Уж не был ли удар слишком сильным?

Нин Жушэнь обернулся на голос. Рядом, успев отряхнуть своё алое парадное одеяние и теперь потирая колено, стоял молодой придворный лет двадцати. Он недовольно кривил губы и смотрел крайне раздражённо.

□ Ах, господин Гэн, господин Нин вас совсем не заметил, споткнулся прямо о вас! □
насмешничал юный евнух неподалёку.

И это тоже не прибавило радости Гэн Яню. Он смерил Нин Жушэня уничижительным

взглядом.

□ Правду говорят, где господин Нин, там всегда что-то случается.

Нин Жушэнь оглядел одного за другим стоящих перед ним людей.

Боль точно не была плодом его воображения. Он даже не думал, что в его теле столько всего может болеть и ныть. И всё было так реально, настолько по-настоящему...

Что означало только одно: он не умер, он переродился.

Но понятия не имел, ни что за эпоха, ни какой шёл год, не говоря уже о том, кто был императором. Нин Жушэнь нахмурился, обдумывая, что делать и как быть. По-хорошему, пока стоило плыть по течению.

□ По правде говоря, я действительно слишком сильно ударился... Что случилось? Где я? Почему я вообще упал?..

И люди вокруг вдруг замолчали.

Евнух больше не улыбался и выглядел встревоженным и откровенно испуганным. Врач поспешно схватил его за запястье, отсчитывая пульс. Его губы беззвучно шевелились, и, как показалось Нин Жушэню, он шептал про себя: всё кончено, это конец, всё кончено...

Гэн Янь явно хотел что-то сказать, но промолчал и какое-то время просто смотрел. Потом не выдержал:

□ Так вы ударились головой?..

Нин Жушэнь перевёл на него взгляд. Пустой, отстранённый. Было заметно, насколько он сейчас был бледен.

Гэн Янь, прихрамывая, подошёл ближе. И, тяжело вздохнув, решил уточнить:

□ Хотите сказать, что и о торжественной церемонии вступления на трон не помните? И как упали?.. Как мы все возвращались из Храма, а тут у ворот Умэнь вышла заминка? А вы стали лезть вперёд, расталкивая других? И в итоге споткнулись, стали падать... Схватились за меня и уронили... Я из-за вас расшиб колено. Вы совсем этого не помните, господин Нин?

Нин Жушэнь молча смотрел на него, никак не реагируя.

Крайне показательная, эмоциональная речь.

□ Я вам неприятен? □ не удержавшись, спросил он.

□ Весьма.

А что было ещё более неприятно: он не знал, с кем и почему не в ладах. Он вообще ничего не знал.

Единственное, в чём он был уверен, □ он придворный.

Алое парадное одеяние, в которое облачались все министры, явно на это указывало. Но он даже не был уверен в чине. У сбитого им с ног чиновника на поясе была серебряная

застёжка³... Если он правильно помнил, такие носили только чиновники четвёртого и пятого чина.

Пока он молчал, императорский лекарь послушал его пульс и убрал руку.

□ У господина хрупкое телосложение. Угрозы жизни нет, но удар нанёс непоправимый вред. Из-за застоя крови господин может испытывать трудности с трезвостью ума и памятью.

Нин Жушэнь только отмахнулся, это не было такой уж проблемой.

Он поблагодарил лекаря и обратился уже к юному евнуху:

□ Что ж, раз я могу пока ещё ходить, нужно поспешить. Мы же не хотим опоздать на торжественную церемонию вступления на трон...

Бледный, явно испуганный евнух, поклонился.

□ Как прикажет мой господин.

Гэн Янь только скривился, пока врач осмотрел его ногу.

□ Если только господин Нин снова не упадёт.

Он повредил ногу, но никто ему не помогал идти.

В сопровождении евнуха Нин Жушэнь прошёл всю долгую дорогу до зала Тайхэдянь⁴.

К концу у него, казалось, болела каждая клеточка тела.

Каким же облегчением было услышать звуки призывающего всех гонга и голоса других.

Увидеть широкую террасу, на которой толпились другим министры, мраморную лестницу и возвышающийся за ней зал Тайхэдянь.

И как-то только в этот момент он вдруг осознал, что не узнал главного.

Он повернулся к хромающему рядом с ним Гэн Яню и тихо с сомнением уточнил:

□ Господин Гэн, а меня...

□ Нин Чэнь, □ буркнул недовольно Гэн Янь.

Он не ослышался? Его назвали продажным, нечестивым министром⁵?..

□ Господину Гэну следует осторожнее выбирать слова, если он не хочет отвечать перед нашим императором за лжесвидетельство.

Гэн Янь едва снова не споткнулся.

□ У господина Нина совсем отшибло память? □ абсолютно недружелюбно спросил он. И посмотрел на Нин Чэня.

Тот смотрел в ответ.

Нин Жушэню потребовалось время, чтобы понять, что это и было его имя.

Первоначального владельца тела звали «Нин Чэнь».

Насколько же это было двусмысленно и провокационно!..

***

Перезвон золотых колоколов⁶ сменили барабаны.

Нин Жушэнь как раз успел зайти в тронный зал.

Он пристроился в конце длинной вереницы чиновников. И вместе со всеми поклонился. Его слова потонули в синхронном крике сотни других чиновников:

□ Пусть Император живёт и правит десять тысяч лет!

Неоднократно повторённое «десять тысяч лет» потонуло в эхе и рёве.

Нин Жушэнь украдкой окинул взглядом зал, где на трон поднимался...

Самый что ни на есть настоящий император.

Хотелось хоть одним глазком его увидеть.

Он покосился на других министров, смиренно опустивших голову. Но взгляд сам собой притянулся к уже сидящему на троне человеку. Тот был молод, его нежное, юношеское лицо не было ничем закрыто, на голове красовалась нефритовая корона. Император едва переступил порог совершеннолетия, но всё же отчего-то казалось, что разум его куда взрослее, чем тело.

Как только выкованный и заточенный меч. С виду простой, но не дай боже коснуться острейшей кромки.

От одной только мысли об этом по спине пробежали мурашки.

На какое-то мгновение ему вдруг показалось, что в тёмном зале есть только он, гордо восседающий на троне.

Нин Жушэнь скорее увидел, чем почувствовал, что вот-вот император повернёт голову в его сторону.

Сердце ушло в пятки, и он поспешно опустил взгляд.

Он действовал на инстинктах, по выработавшейся за долгие годы учёбы привычке никогда и ни за что не смотреть на учителя.

Голос Министра церемоний разносился по залу.

Какое время Нин Жушэнь ещё чувствовал, как император смотрит на него, потом, наконец, тот отвернулся, чтобы взять императорскую печать.

И объявить миру о своей великой милости.

Он собирался наградить некоторых министров.

Вперёд вышел главный дворцовый евнух Дэ Цюань. И своим тонким голоском стал зачитывать

первый императорский указ.

Он почти не прислушивался, пока сознание не выхватило из всей речи странное:

— Нин Чэню, за выдающийся талант...

И сперва даже растерялся, за какой такой талант в предательстве и подхалимстве⁵...

Чтобы через мгновение осознать, что это о нём. Это он — Нин Чэнь.

— ... за преданность и честность, за стремление к истине и настоящее благородство император дарует... — вдруг евнух замолчал и совсем другим тоном, почти испуганно забормотал: — Ваше Величество!..

Нин Жушэнь невольно напрягся, прислушиваясь.

Не выдержав, он как можно более незаметно поднял взгляд. И увидел, что император встал со своего золотого трона. И смотрел прямо на него.

В зале стало очень-очень тихо.

Со своего возвышения Ли Утин прекрасно видел Нин Чэня.

Он был одним из тех, кого покойный император сам назначил на должность. Позже этот министр предал его, действовал только ради собственной выгоды. Сговорившись с другими, он взял под контроль всё правительство, заставив подчиняться кого шантажом, кого ложными обвинениями... И всё ему было мало.

В памяти Ли Утина ещё была жива сцена перед этим залом. Он помнил пронзившие вчера тело Нин Чэня стрелы.

Глаза императора потемнели от гнева, и он шагнул вперёд.

Только что вступивший на трон император теперь медленно спускался, не дождавшись даже окончания официальной церемонии. Спустившись, он прошёл прямо к Нин Чэню и остановился перед ним.

Наконец их взгляды встретились.

Император смотрел так, словно едва сдерживался, чтобы не убить его.

И Нин Жушэнь понятия не имел о причинах такой ненависти.

Но времени обдумать не было, император уже поднял руку, явно намереваясь ударить...

Нужно было что-то делать прямо сейчас.

Едва только почувствовав приближение ладони, он рухнул как подкошенный на землю и с трепетом и страхом посмотрел покрасневшими глазами на императора. Он напоминал в этот момент нежный, трепещущий на ветру цветок... Такой же слабый и нежный.

Повисло молчание.

И только через несколько мгновений другие министры опомнились, бросились на колени с

криком:

— Ваше Величество, пощадите!

— Ваше Величество за что?!...

— Ваше Величество, смилуйтесь, не уби-и-ива-айте господина Нина!!

«Убивайте» министры практически провыли, и неясно было даже кто начал первым из них, а кто подхватил.

Ли Утин немного ошеломлённо молчал. Он ведь даже не коснулся его...

Он перевёл взгляд с министров на лежащего у его ног мужчину.

Нин Жушэнь с трудом поднялся, вытер выступившие слёзы и склонился перед императором в позе абсолютной покорности.

— Простите вашего покорного слугу, Ваше Величество. Его тело слабо перед вашей волей...

Ли Утин молчал.

Рукава парадного одеяния Нин Чэня задрались, открывая взгляду тонкие, белые, дрожащие запястья. Такой хрупкий, едва держащийся на коленях, но покорный воле своего повелителя...

Он и в самом деле выглядел так, словно только что император его ударил ни за что.

Ли Утин сжал руку, которой так и не коснулся Нин Чэня, в кулак. Потом скривился в злой усмешке.

Верно, в этом и был весь Нин Чэнь⁵, предатель и подхалим.

От едва слышного хмыка императора у Нин Жушэня по спине пробежали мурашки.

С его губ сорвался приглушённый, болезненный всхлип, и, покачнувшись, он снова стал заваливаться.

Но его сразу поддержали и с поистине невероятной силой вздёрнули на ноги.

Ну как «вздёрнули»... Да его словно в тисках зажало!

Нин Жушэнь выпрямился и рискнул снова посмотреть на императора. Тот был красив: каждая черта его лица была настоящим произведением искусства. И смотрел он, казалось, с абсолютным равнодушием.

Как бы невзначай Ли Утин положил руку ему на плечо.

И чуть надавил большим пальцем на тонкую, выпирающую под одеждой ключицу.

□ Тело господина Нин и вправду очень хрупкое. Он даже не способен выдержать милость своего повелителя.

Нин Жушэнь слабо улыбнулся и снова опустил взгляд.

Ага, милость, как же.

Едва на тот свет взаправду не отправил.

Наконец император убрал руку и, словно ничего не произошло, направился обратно к своему трону.

□ Дэ Цюань, продолжай.

Евнух почтительно поклонился.

□ Слушаюсь, Ваше Величество.

Министры снова выстроились перед императором.

Дэ Цюань продолжил зачитывать первый указ императора.

□ Признать по воле императора за перечисленные заслуги Нин Чэня великим учёным мужем и даровать ему должность не первого министра, но советника государственной канцелярии.

Нин Жушэнь поклонился, благодаря:

□ Государь милостив к своему покорному слуге. Пусть Император живёт и правит десять тысяч лет!

Церемония продолжалась.

Наконец долгая череда признаний заслуг министров и исполнения воли покойного императора подошли к концу.

Оставалось только дожидаться торжественного ужина.

Император поднялся и в сопровождении личной гвардии и евнухов проследовал во внутренний дворец.

Стоило императору покинуть тронный зал, как Нин Чэня окружили другие министры.

□ Сам император признал ваши заслуги, признал вас великим учёным мужем и даровал должность!

□ Подумать только, Его Величество коснулся вашего плеча, неслыханная милость и честь!

Нин Жушэнь только улыбался, мысленно кривясь. Сами бы получили такую милость — посмотрел бы он на них.

И пока все они соревновались друг с другом в красноречии, к Нин Жушэню протиснулся Гэн Янь.

□ Вместе с памятью вы потеряли и силу? От любого прикосновения норовите упасть.

Несмотря на презрительный тон, чувствовалось, что Гэн Янь действительно волновался.

Хотя и не упустил возможность задеть и понасмехаться.

Нин Жушэнь тяжело вздохнул и послал ему измученную улыбку.

□ Совсем не ожидал, что столько министров будут за меня молить. Оказывается, я довольно

популярен...

Гэн Янь только фыркнул от его слов:

□ Конечно, пожалел волк кобылу, оставил хвост да гриву.

Нин Жушэнь смотрел долго, с немим укором в глазах. Пока, наконец, не покачал головой и печально не сказал:

□ Зависть, господин Гэн, плохое чувство.

Гэн Янь поджал губы, не рискуя ничего больше говорить.

Но на его щеках заходили желваки и крылья носа затрепетали, выдавая гнев.

Министры медленно расходились по двое □ по трое. И Нин Жушэнь тоже повернулся, чтобы уйти.

Опомнившись, Гэн Янь кинулся за ним.

□ Постойте! Я хотел спросить... Что вы теперь будете делать?! Вы же ничего не помните!

Нин Жушэнь спрятал руки в длинных рукавах и посмотрел на уходящих министров.

□ Верно будет прямо сейчас, вернувшись домой, письменно принести извинения императору и отказаться от должности. И после вернуться в родной город, чтобы никогда больше не смущать своим видом Сына Неба.

И, едва услышав это, Гэн Янь вскричал:

□ ЧТО?!

***

Внутренний дворец, тёплые покои императора Ли Утина

Ли Утин снял тяжёлую торжественную мантию и переделся в обычную, гораздо более лёгкую.

Простую лёгкую мантию, не кричаще жёлтого цвета, а чёрного. Подчёркивающую спокойствие и сдержанность, умеренность желаний императора.

Дэ Цюань почтительно стоял рядом, держа в руках кувшин с тёплой водой.

Передевшись, Ли Утин повернулся к евнуху, опустил руки в таз. На его руки полилась вода: по тыльной стороне ладоней, по костяшкам и между большим и указательным пальцами в таз.

□ Церемония прошла спокойно, □ равнодушный голос императора был приглушён плеском воды.

□ Ваше Величество правы.

Но после секундного колебания Дэ Цюань продолжил:

□ Но, Ваше Величество, ваш покорный слуга слышал кое-что...

□ Говори.

□ Я слышал, что господин Нин упал сегодня у ворот Умэнь.

Император замер, поднял на евнуха холодный взгляд.

□ Вот как?

Очень осторожно Дэ Цюань продолжил:

□ Слышал, вместе с ним упал и господин Гэн. Господин Нин расшиб голову, а господин Гэн колено.

□ Расшиб голову?

Дэ Цюань помедлил, очень осторожно выбирая слова. Он не знал, что именно хотел услышать император.

□ Я слышал, что после господин Нин стал сам на себя не похож.

[1] Ворота Умэнь, они же Серединные, Меридианные (Полуденные) ворота. Главные врата Запретного города, так как ворота Тяньаньмэнь, ведущие с площади Тяньаньмэнь, относятся к Имперскому городу, а не к Императорскому дворцу. Часто Полуденные Ворота называют Башней Пяти Фениксов. В боковых павильонах Полуденных Ворот находятся Барабанная Башня и Башня Колокола. Колокол звучал, когда император покидал Запретный Город, направляясь в Храм Неба, а барабан бил, когда император шёл в Храм Верховного Наследования. Колокол и барабан могли бить и одновременно во время проведения каких-нибудь церемоний. Их звук можно было услышать за пять километров.

Крыша Полуденных Ворот двухъярусная, под ней находится трибуна, на которой помещали трон для императора. В воротах имеется пять входов, каждый из которых служил для людей определённого ранга. Во времена феодальных династий центральный вход был предназначен только для императора, боковой восточный вход - для министров, а боковой западный - для членов императорской семьи. Оставшиеся два входа открывались во время больших церемоний для разных официальных лиц.

Простым людям вход в Запретный Город был, как следует из названия, запрещён.

[2] Господин Нин принял лекаря за Бай Учана.

Хэй Учан и Бай Учан (白乙 白乙) одни из самых популярных персонажей китайского ада. Первоначально Учан (白乙) — это китайский перевод санскритского термина «anitya». В основные обязанности Учана входило приходить за душами умерших и провожать их в загробный мир, за что он получил еще одно имя — 白乙, гоухуньгуй — «дух, забирающий души». Любопытно, что позже мы уже встречаем не одного Учана, а двоих — Белого и Черного. Иногда в Китае их еще называют 白乙 (хэй бай учан) — Черный и Белый Учаны, или 白乙 (учан эр е) — два деда Учана.

В литературе династий Мин и Цин складывается более проработанный и завершенный образ Белого и Черного Учанов — это два духа, чиновники ада, волосы у них распущены, оба в высоких шапках и длинных одеждах белого и черного цветов. У Бай Учана в одной руке веер из бананового листа, в другой зонтик, а у Хэй Учана — железная цепь. У Белого Учана на шапке написано «□□□□(□)» (и цзянь ю цай (си), что значит «Как увидишь — будет богатство (или счастье)»), или «□□□□» (и цзянь да цзи) «Как увидишь — будет тебе удача», или «□□□□» (и цзянь шэн цай) «Как увидишь — разбогатеешь». А у Черного Учана — «□□□□» (цзянь у сы цзай) «Увидишь меня — смерть тебе», или «□□□□» (ни е лай е) «Пришел твой час», или «□□□□» (тянь ся тай пин) «Спокойствие Поднебесной».

В «Нефритовых скрижалях» Учаны встречаются на иллюстрациях, где их изображения подписаны, однако в самом тексте книги они фигурируют в главе «Площадка вина забвения и Мэн-по шэнь» под другими именами: Белый Учан называется Сююфэн (□□ □) — «Смерть predetermined», а Черный — Хоучан (□□□), «Жизнь преходяща».

[3] согласно Тайцин Гурунь (сборнику всех законов и установлений китайского (а ныне манжурского) императора от 1690 года):

Государю хуанди, в великаторжественные дни, и во времена молебствий в храмах: на шляпе в дзинзе жемчужина ничухе с обыкновенным жемчугом. Одежда парчовая желтого, или лимонного цвета, со изображенными на лазоревом цвете драконами о пяти и о трех когтях. Пояс убранный в золоте яшмою и жемчугом.

Министрам первого чина: дзиндзы золотая с высечеными по золоту узорами с одной жемчужиною. Пояс с четырьмя яшмовыми четырехугольными бляхами, в пряжке яхонт красной, в протчем такой же. Пус статскому с журавлем, военному с цилином 208.

Министрам второго чина: дзиндзы такая же, в середине маленькой яхонт красной. Пояс с четырьмя золотыми круглыми бляхами, пряжка с красным яхонтом. Пус статскому с гинь ги (с петухом золотым), военному со львом.

Министрам третьего чина: дзиндзы такая же с маленьким яхонтом синим. Пояс с четырьмя золотыми круглыми бляхами. Пус приказному с павлином, военному с барсом.

Министрам четвертого чина: дзиндзы такая же золотая, на верху синей большой яхонт и в середине синей же яхонт. Пояс с четырьмя круглыми бляхами золотыми, оправленными серебром. Пус статскому с юнь янь [диким гусем], военному с бабром.

Министрам пятого чина: дзиндзы золотая же, на верху большей шуйдзин [восточной хрусталь], в середине синей яхонток. Пояс с четырьмя золотыми бляхами, гладкими и круглыми, оправленными серебром. Пус статскому с бе хянь [журавлем белого цвета с черным], военному с медведем.

Министрам шестого чина: дзиндзы золотая, на верху большей шуйдзин (восточной хрусталь). Пояс с четырьмя круглыми бляхами роговыми пестрыми, оправленными серебром. Пус статскому с лусы, [лебедем, у которого есть хохол,] военному с барсом.

Министрам седьмого чина: дзиндзы золотая, в середине дзиндзы синей яхонт. Пояс с гладкими серебряными бляхами круглыми. Пус статскому с сичи, [с куликом] военному с барсом.

Министрам восьмого чина: дзиндзы золотая. Пояс с четырьмя круглыми бляхами роговыми белыми, в серебре оправленными. Пус статскому с перепелкою, военному с быком.

Министрам девятого чина, и тем хафаням, кои в степенях не числятся: дзиндзы серебряная. Пояс с четырьмя бляхами роговыми черными в серебре оправленными. Пус статскому с чечеткою, военному с морским коником.

Дзиндзы, или дзиндзе: чиновной знак, которой носят Манжуры и Китайцы рангованные на шапках и шляпах, по фигуре пристойно назвать шишкою, подобною шашке, бывают оные для различия рангов разных видов, делаются из золота, меди, (и одни студентские) из серебра, и из олова, вставляють в них камни, и стекла, бывают и без камней и стекол у людей нижних степеней. Шишка должна быть такого цвета, какой ранг требует.

Ничухе: Сие название жемчужины, описано в лексиконе их так, родится она в раковине, бела как снег, кругла, есть от нее сияние; величины бывает разной. Китайцы многие говорят, будто у Хана их на шляпе жемчужина имеет весу не меньше ланы (осми золот.) и столь кругла и глатка, что вечно не остоится на глатком стекле или фарфоре; Сколь же чудна сия сказка! Есть или ей поверю, одолжусь верить, что Perpetum mobile в не одушевленной вещи, быть может.

Пусы: знаки чиновные (на подобие лоскутов), вытканые из шелку и из золота, нашиваются на верхнем платье, и бывают для различия классов и достоинств разных видов; у принцев круглые со изображенными драконами; а у протчих четырехугольные, со изображенными (у военных) зверьми, (у статских) птицами. Принцы по достоинствам своим имеют таких знаков по 2, по 4, по 6, и по 8, на грудях и на спинах, на плечах и на передних и на задних полах; а протчие имеют только по 2 знака на грудях и на спинах.

[4] Зал Тайхэдянь, он же зал Верховной гармонии. Раньше был известен, как Хуаньджидянь, зал Имперского превосходства. Зал Верховной гармонии является самым большим, и возвышается примерно на 30 метров над уровнем окружающей площади. Это — церемониальный центр имперской власти, и крупнейшая сохранившаяся деревянная структура в Китае. Он составляет девять «бухт» в ширину и пять в глубину — числа 9 и 5 символически связаны с величием императора. В потолок в центре зала вмонтирован замысловатый кессон, декорированный извивающимся драконом, изо рта которого исторгается группа металлических шаров в форме канделябра, именуемый «Зеркало Суаньянь».

Перед залом Тайхэдянь вдоль террас, ведущих в зал есть каменные плиты с резьбой. На них изображены девять драконов, парящих в облаках между холмами. Когда император посещал залы внешнего дворца или покидал дворец, его паланкин проносили над этой резьбой. Никому более не было позволено прикасаться к ней.

[5] Нин Чэнь (宁臣 níngchēn) и продажный министр и подхалим (宁臣 nìngchén) произносятся почти одинаково, отличается тональность, но в китайском языке тональность имеет большое значение.

[6] Золотые колокола

В набор колоколов входит 16 предметов, на изготовление которых ушло 13,600 лян золота (1 лян - 31,25 грамма). Восемь колоколов инь и восемь колоколов ян имеют одинаковую форму и размер, и для того, чтобы заставить их звучать по-разному, в золото были добавлены различные минералы, а стенки изготовлены разной толщины. Эти колокола были обязательны при проведении императорских церемоний.

<http://bllate.org/book/12927/1134622>